

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Владимир Шигин

МИФЫ И ПРАВДА КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА

**МАТРОССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
1918–1921 гг.**

Советская история

Владимир Шигин

**Мифы и правда Кронштадтского
мятежа. Матросская
контрреволюция 1918–1921 гг.**

«ВЕЧЕ»

2021

Шигин В. В.

Мифы и правда Кронштадтского мятежа. Матросская контрреволюция 1918–1921 гг. / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2021 — (Советская история)

ISBN 978-5-4484-8655-5

28 февраля 1921 г. в Кронштадте тысячи моряков и рабочих выступили против власти коммунистов. Они требовали вернуть гражданские свободы, признать политические партии, провести новые выборы в Советы. В руках восставших было 2 линкора, до 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов. Большевики приняли экстренные и жестокие меры для ликвидации Кронштадтского мятежа. К стенам крепости были направлены армейские подразделения под командованием будущего маршала М. Н. Тухачевского. После второго штурма бастионов, к утру 18 марта, мятеж в Кронштадте был подавлен. Без суда расстреляли более 2000 человек, сослали на Соловки более 6000. Основанная на многочисленных документах и воспоминаниях участников событий, книга историка флота В. В. Шигина рассказывает об одной из трагических страниц нашей истории.

ISBN 978-5-4484-8655-5

© Шигин В. В., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Шигин
Мифы и правда Кронштадтского мятежа.
Матросская контрреволюция 1918–1921 гг.

*Летит над путями морскими,
Проходит сквозь штормы и град
Стальное короткое имя,
Как лозунг и клятва – Кронштадт.*

А. Лебедев

Предисловие

Как известно, наиболее близкой революционным матросам Балтики революционной партией к осени 1917 года стали большевики. Матросские симпатии (по мере изменения отношения к войне) постепенно переходили от эсеров к ним, а после краха корниловщины большевистское влияние стало преобладающим сначала в Кронштадте и в целом на Балтийском флоте, а после Октября на Черноморском флоте и во флотилиях. Деятельность малочисленных большевистских флотских организаций из общих с меньшевиками социал-демократических организаций стала выделяться в самостоятельную. Произошло это главным образом вследствие изменения отношения матросов к революционному оборончеству и оправдания ходом событий прогноза «апрельских тезисов» В. И. Ленина о «втором этапе революции». При этом кронштадтцы, шедшие в авангарде данного процесса, вовсе не считали, что они «большевизировались», хотя об этом много писала пресса, в том числе и о том, что В. И. Ленин после июльских событий скрывался не в Финляндии, а в Кронштадте. Сами кронштадтцы мало считались с авторитетами, включая В. И. Ленина, вырабатывая свою собственную политику. Курс на «второй этап» революции, как известно, был воспринят политической элитой в качестве призыва к гражданской войне, и поэтому все действия большевиков по осуществлению этого курса выглядели в ее глазах левоэкстремистскими.

Курс этот революции (сначала в виде лозунга мирного перехода власти к Советам) был поддержан народными массами не столько как левый, как желание приблизить социализм, сколько как правый – навести (даже, быть может, неосознанно – восстановить) порядок, нарушенный при существовавшей власти. Большевики в 1917 году были известны не только как сторонники социализма левого, а как – «государственного». Для убеждения масс в «правизне» большевиков постарались немало и сами «соглашатели», обвиняя их (пусть даже не без основания) в связях с кайзером, с царской охранкой и т. п. Обыватели Петрограда накануне Октября, случалось, приравнивали большевиков даже к монархистам. В своих тезисах, в левой обстановке апреля 1917 года, В. И. Ленин тем не менее, как известно, обосновывал курс на мирное развитие революции и подчеркивал, что «введение» социализма не является непосредственной задачей. Через несколько лет он уже отзывался о тезисах в смысле призыва к «осторожности и терпению».

Другое, связанное с первым обстоятельство – вопрос о войне. Солдаты были за революцию ради мира, а не за мир ради революции. И потому «пораженческая» позиция большевиков, ведущая к миру, выглядела для них правой в сравнении с весенними призывами меньшевиков и эсеров к войне «в защиту революции». Отсюда большевики не получали поддержки в период господства настроений «оборончества» в значительной степени как недостаточно левые. Особенно это касалось радикально настроенных матросов. До Февральской революции и весь период двоевластия, как отмечалось на VI съезде большевиков, матросы неохотно шли к ним, считая их «оппортунистами». После того как большевики провозгласили курс на «второй этап», у них всё меньше было необходимости завлекать массы «левизной». На это работали сам их стратегический курс и ход событий. Наоборот, они вынуждены были больше других открещиваться от подозрений в «левизне». А в текущей деятельности большевики должны были заботиться и заботились о том, чтобы разного рода левые провокации не сорвали главный курс. То есть большевики скорее не вели «борьбу за массы» в 1917 году, как это можно представлять было из учебников «Истории КПСС» советского периода, а, быть может, вели «борьбу с массами», с их левацкими настроениями, и это обеспечило у них им поддержку и победу в конечном счете. Здесь сыграло свою роль и то, что вообще, приступая к созданию партии, Ленин стремился идти «другим путем», имея в виду терроризм народников. И «большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощад-

ной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью».

Однако об общем левом курсе большевиков в силу его больших последствий для истории спорили и ещё долго будут спорить историки в зависимости от ее новых поворотов, от новых революций и т. п. Так, с позиций современности следует, очевидно, считать левоэкстремистским спокойствие большевиков к обострению социальных страстей как к закономерной классовой борьбе, на что обращали внимание еще современники – сторонники Октябрьской революции. Это способствовало в дальнейшем развязыванию красного террора, хотя и он был в значительной степени трагически объективен. Но если в целом общий левый курс большевиков следует считать исторически оправданным, то малейшие отклонения влево на этом левом курсе должны приводить и приводили к особенно тяжёлым последствиям. Ленин писал в «Детской болезни «левизны» о подобных случаях, что стоит сделать маленький шаг дальше – казалось бы, шаг в том же направлении, – и истина превратится в ошибку. Политическое движение наполняется новым содержанием – со знаком «минус». В годы Гражданской войны в большевизме имел место целый ряд более левых течений: «левые коммунисты», «военная оппозиция», анархо-синдикалисты, троцкисты и др. Из них, пожалуй, наибольшую опасность представлял троцкизм с приоритетом мировой революции и ее экспорта. Он менее других имел народное происхождение, а, следовательно, больше других был склонен утверждаться насильем. На флоте имелаась дополнительная почва (в виде кораблей, интернациональных связей и др.) для популярности идей экспорта революции, и матросы оставили здесь заметный след. Здесь сказалось то, что до Октября Троцкий больше всего любил бывать в Кронштадте.

Немало левых ошибок допускали большевики, когда твердый стратегический курс у них еще отсутствовал или когда особенно крутым ходом событий он ставился под сомнение. Так, они, как и другие партии, сразу после бурных февральских событий на флоте обратили самое пристальное внимание на усиление своего влияния в матросских массах. И также стремились это сделать по возможности левыми лозунгами. Первый же приезд делегатов большевистского центра (каковым являлся первое время Выборгский комитет) получил примечательный резонанс на заседании исполкома Петроградского Совета 4 марта с точки зрения симпатий к радикально настроенным матросам. Представители армии Кронштадта заявили, что «положение там очень серьезное благодаря столкновениям между матросами и сухопутными войсками», и особо подчеркнули, что приехавшие большевистские делегаты, «критиковавшие Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов, еще сильнее обострили положение». Но в своем дебюте в Кронштадте большевики оказались «левыми», скорее всего, незаслуженно. Просто они попали в момент, когда Кронштадт «протрезвел» и его качнуло вправо. Перехватившие (на время) инициативу у матросов солдаты искали подстрекателей. В целях усиления своего влияния среди матросов большевики считали само собой разумеющимся допускать левые эксцессы в матросской среде, чтобы стравливать между собой своих политических конкурентов.

Вопреки многочисленной советской литературе о революционном флоте в процессе сближения матросов и большевиков долгое время мощную политическую силу представляли именно матросы, с которой большевики явно заигрывали. Таким положение представлялось ещё в начале 1918 года. По сути, это было результатом левого экстремизма как у большевиков, так и у матросов.

Точка соприкосновения и большевиков, и матросов с левым экстремизмом заключалась в их общей ответственности за него как основных субъектов революции 1917 года и Гражданской войны. Поэтому у жертв этих трагических лет можно встретить соответствующее мнение о них. Вот отрывок одного из сочинений детей эмигрантов, написанных в 1923–1924 годах: «... Большею частью большевиков являются матросы, и потому вид их вполне матросский. Главное в их костюме составляет оружие, которое состоит из ножа, ружья, пары бомб и перекину-

тых через плечи пары пулеметных лент. Вполне понятно, что впечатление, которое произвели на меня большевики, было для них нелестное. Выражаясь кратче, они мне напоминали бандитов низшего качества на большой дороге...»

Но слияния большевиков и матросов, как может сложиться впечатление из многочисленной литературы советского периода об их отношениях, конечно не произошло. Вот что записала 7 января 1918 года в своем дневнике писательница Зинаида Гиппиус: «Надо утвердить, что сейчас никаких большевиков, кроме действующей кучки воротил, – нет. Матросы уж не большевики ли? Как бы не так! Озверевшие, с кровавыми глазами и матерным ругательством – мужики, «ндраву которых не ставят препятствий», а его поощряют. Где ндраву разгуляться – туда они и прут. Пока – ими никто не владеет. Но ими непременно завладеет, и только «хитрая сила». Если этой «хитрой силой» окажутся большевики – тем хуже».

«Хитрая сила» – большевики, оказавшись в значительной степени общенациональной силой, в той же степени «завладели» и матросами. Но там, где у большевиков имело место расхождение с общенациональными интересами, им приходилось сталкиваться и с матросским «ндравом». Серьезные антибольшевистские выступления матросов имели место во время Гражданской войны под различными флагами: под анархистским – в январе 1918 года в Петрограде и в марте 1919 года в Николаеве, под левозэсеровским флагом – в июле 1918 года в Москве и в октябре 1918 года в Петрограде, под эсеровско-белогвардейским – в июне 1919 года в фортах Красная Горка и Серая Лошадь и, наконец, под демократическим красным флагом Октябрьской революции в марте 1921 года в Кронштадте. К сожалению, в ходе этих и других столкновений имели место случаи уничтожения не только матросской оппозиции, но и флота как общенационального института. Флот, как известно, в советские годы пришлось, по сути, воссоздавать заново. Это также было результатом проявлений левого экстремизма как у большевиков, так и у матросов.

В годы революции и Гражданской войны большевики не преобладали численно, но все эти организации – одни раньше, как Кронштадтский Совет, другие позже, как Ревельский Совет, стали принимать большевистские решения. Руководитель фракции большевиков Кронштадтского Совета И. П. Флеровский отмечал: «В том-то и заключалось своеобразие кронштадтской политической обстановки, что не большевистский по своему составу Совет вынужден был, с редкими отклонениями, проводить большевистскую политику».

* * *

К осени 1918 года недовольство матросами, как советской властью вообще, так и отношением к ним (матросам) со стороны большевиков серьезно возросло. Матросы не могли не чувствовать, что былой идиллии в отношениях между РКП(б) и ними, какой она была в период Октябрьской революции и в первые месяцы после нее уже никогда не будет. Дело в том, что большевики все больше и больше дистанцировались от своих старых союзников, делая все, чтобы низвести революционных матросов до уровня красноармейцев. Это матросов возмущало. Они считали себя такими же творцами Октябрьской социалистической революции, как и большевики. Заметим, что в данном случае претензии матросов были вполне обоснованными. Без десяти тысяч кронштадтских матросов, без кораблей Балтийского флота большевикам никогда бы не удалось свергнуть Временное правительство и взять власть в Петрограде. Но большевики желали руководить единолично. Первой их жертвой стали бывшие союзники – левые эсеры, от которых они достаточно быстро избавились. Следом наступила очередь матросов. Именно для того, чтобы максимально отдалить от себя вездесущих и нахрапистых «альбатросов революции», В. И. Ленин вместе со всем Совнаркомом тайно бежал из Петрограда в Москву. Именно поэтому он изгнал матросов из своей личной охраны, окружив себя купленными за золото латышскими стрелками. Матросов с удовольствием рассылали воевать по всем

фронтам, но весьма нетерпимо относились к их пребыванию в Москве и Петрограде. Что же касается самих матросов, то недовольство большевиками стало проявляться очень скоро, чуть ли не на следующий день после взятия Зимнего дворца. Первым серьезным раздражителем для революционных матросов стал заключенный 3 марта 1918 года правительством В. И. Ленина позорный Брестский мир. Удивительно, но активно выступавшие до октября 1917 года против продолжения войны с Германией матросы после социалистической революции переменили свое мнение. Став яростными оборонцами, они требовали неперемennого продолжения войны, которая, по их мнению, теперь является справедливой, так как стала войной пролетариев против империалистов.

Существовавшее равноправное партнерство между партией большевиков и революционными матросами в начале 1918 года к середине лета сошло на нет. При этом, если большевики к этому времени значительно укрепили свою власть и авторитет, то матросы, наоборот, все это растеряли. Все их мечты о внепартийной революционной матросской диктатуре рассыпались в прах. Этому способствовали как объективные, так и субъективные причины.

Прежде всего, у революционных матросов никогда не было никакой конкретной политической программы, как не было грамотных и авторитетных вождей. Кроме этого, излишняя демократичность, зачастую переходящая в демагогию, лишала их возможности быстро и правильно принимать политические решения, оперативно реагировать на меняющуюся обстановку. Поэтому реальной возможности для управления Россией у матросов просто не было. Не было среди матросов по объективным причинам и единства, в результате чего отдельные вспышки их недовольства достаточно легко подавлялись большевиками.

Утрата политических позиций революционными матросами происходила постепенно. Так, в начале 1918 года матросы были как никогда близки к установлению собственной диктатуры. Они самостоятельно, не оглядываясь на большевиков, творили свою собственную революцию – учреждали свои независимые органы власти, громили контрреволюционного генерала Краснова, казнили Верховного главнокомандующего Духонина и не понравившихся им министров-капиталистов, разгоняли Учредительное собрание и устраивали собственный матросский террор по городам и весям.

Но затем ситуация стала меняться. Перенос большевиками столицы из Петрограда в Москву сразу же лишил матросов реального влияния на большевистское руководство. А последовавшее затем заключение Брестского мира, бегство Балтийского флота из Гельсингфорса и самоуничтожение Черноморского флота в Новороссийске отделило матросов от большевиков не только идейно, но и морально. Кроме этого, с утратой военно-морским флотом своей роли как важнейшего военно-стратегического объединения автоматически уменьшалась заинтересованность власти и в самих матросах. Это случилось, прежде всего, с черноморцами, которые после уничтожения Черноморского флота в Новороссийске ушли в рассеяние. Немногим лучшим оказалось и положение их коллег-балтийцев, наглухо запертых в Кронштадте.

Попытавшийся было провозгласить и возглавить матросскую диктатуру П. Е. Дыбенко потерпел полный крах и вынужден был спастись бегством. Закончилась провалом аналогичная попытка возглавить «морскую диктатуру» Балтийского флота и у А. М. Щастного.

К дальнейшему падению реального политического веса матросов и их лидеров привела и ликвидация самостоятельных матросских отрядов в апреле – июле 1918 года, а отчаянные попытки вооруженных выступлений против большевиков как вместе с левыми эсерами в Москве, так и самостоятельно, в лице Минной дивизии Балтфлота, также завершились неудачей. Отдельные герои еще продолжали биться за свои революционные идеалы и совершать подвиги, но они были обречены.

В целом мятежная борьба революционных матросов против гегемонии большевиков, против их «похабного Брестского мира», носила исключительно леворадикальный характер. В

определенной мере именно это и подтолкнуло большевиков к установлению жесткой однопартийной системы и к расширению красного террора.

Что касается самих матросов, то события лета 1918 года, помимо всего прочего, ускорили и углубили раскол и разобщенность в их собственной среде. Отныне былого единого матросского революционного братства больше не существовало. Если ранее матросская солидарность превалировала над всеми остальными взаимоотношениями, то теперь зачастую у матросов-большевиков, матросов-эсеров и матросов-анархистов не стало уже ничего общего, и они были готовы к расправе над своими недавними сотоварищами в угоду партийным интересам. Увы, но политические предпочтения не оставили камня на камне от еще недавнего матросского единства. К середине 1918 года мечты матросов о собственной диктатуре окончательно утратили реальность. Отныне с ними как с единой мощной политической и военной силой большевики уже могли не считаться. Так и не состоявшаяся «матросская диктатура» стремительно уходила в небытие. Но революционные матросы оставались революционными матросами. Не сумев учредить собственную диктатуру, они ринулись в самое пекло разгоравшейся Гражданской войны. И по городам и весям России покатилося кровавое «матросское яблочко»...

Часть первая

Матросы против большевиков

Глава первая

Первые серьезные размолвки – Мятеж минной дивизии

Весной 1918 года, в связи с угрозой Балтийскому флоту со стороны наступающих германских войск, начальник Морских сил Балтийского моря, командующий Балтийским флотом А. М. Щастный принял решение перевести корабли флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Согласно Брестскому мирному договору, заключенному между Советской Россией и кайзеровской Германией 3 марта 1918 года, все русские корабли должны были покинуть финляндские порты, причем предусматривалось, что пока лед не позволяет осуществить переход, на кораблях должны были оставаться лишь «незначительные команды», которые легко могли быть нейтрализованы немцами. Этот поход получил название Ледового. В течение марта – апреля 1918 года из Гельсингфорса и Ревеля в тяжелейших ледовых условиях в Кронштадт были переведены основные силы Балтийского флота. Таким образом Балтийский флот был спасен от вполне вероятного полного уничтожения.

Успешное руководство Ледовым походом подняло авторитет А. М. Щастного среди моряков. Но уже 27 мая он был арестован по личному распоряжению народного комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого и на основании материалов, подготовленных Военным контролем: «за преступления по должности и контрреволюционные действия» 20–21 июня был судим Революционным трибуналом при ВЦИК. Свою вину Щастный не признал. В выступлении на суде Троцкий заявил: «Щастный настойчиво и неуклонно углублял пропасть между флотом и советской властью. Сея панику, он неизменно выдвигал свою кандидатуру на роль спасителя. Авангард заговора – офицерство минной дивизии – открыто выдвинуло лозунг «диктатура флота». 22 июня А. М. Щастный был расстрелян.

Арест популярного на Балтийском флоте А. М. Щастного и его последующий расстрел произвели ошеломляющее впечатление на все категории моряков. Реакция отдельных матросских формирований не заставила себя ждать. Так, уже 10 апреля 1918 года произошел совершенно неожиданный для большевиков мятеж в войсковых частях Курска, организованный матросами-анархистами. Матросы создали собственный «военный штаб», располагавшийся в гостинице Ханбека и возглавляемый Карцевым, Маевым и Сухоносным, установили контроль в привокзальных районах города, обстреливая из артиллерийских орудий отдельные объекты, в том числе и здание губернского Совета. После этого матросы заняли две гостиницы, освободили из городской тюрьмы заключенных. В ходе выступления анархистов имели место погромы, грабежи и аресты. Силами бойцов 1-го Курского революционного полка и красногвардейцев-железнодорожников из отряда Р. С. Кукулдавы удалось частично локализовать мятеж, который был ликвидирован лишь 29 апреля, после прибытия из Москвы отряда, под командованием члена Высшего военного совета, председателя Высшей военной инспекции РККА Н. И. Подвойского. Вместе с матросами-анархистами была арестована и часть командного состава полевого штаба войск Курской губернии, обвиненная в сочувствии анархистам. Главный комиссар Балтийского флота И. П. Флеровский в связи с этим событием телеграфировал в Москву: «Наибольший вред и разложение в массы вносят уходящие из флота матросы». Но это была только проба сил! Главные события были еще впереди.

Наиболее радикально настроенные матросы требовали ответа большевистского руководства за совершенное преступление – убийство уважаемого ими начальника – спасителя Бал-

тийского флота. Однако для делегатов проходившего в то время в Кронштадте 3-го съезда Балтийского флота, видевших главную заботу в борьбе с анархией и укреплением дисциплины, союз с Совнаркомом был на тот момент важнее последствий позорного Брестского мира и других большевистских перегибов, включая и убийство А. М. Щастного.

К нескрываемой радости Совнаркома, съезд принял вполне центристские решения. Более того, делегаты признали и нового главного комиссара Балтийского флота И. П. Флеровского. Размежевание еще недавно единой в своих политических убеждениях матросской массы продолжалось.

1 июня 1918 года пленарное заседание представителей кораблей и частей флота, специально собравшееся для обсуждения вопроса об аресте А. М. Щастного, большинством голосов отвергло предложение членов старого Совкомбалта, Кронштадтского Военно-морского комитета и П. Е. Дыбенко о разборе дела А. М. Щастного самим Балтийским флотом и приняло промосковскую резолюцию. Фактически они «сдали» Щастного центральным властям. Более того, заседание выказало озабоченность «работой всех негодяев и провокаторов» среди «товарищей моряков части Минной дивизии», о чем также приняло соответствующие резолюции.

25 мая общее собрание рабочих Обуховского завода и моряков Минной дивизии постановило о совместном выступлении против властей. Затем пленарное заседание делегатов Минной дивизии на эсминце «Капитан Изыльметьев» отклонило требование съезда моряков об аресте двух офицеров-антибольшевиков и приняло резолюцию «О текущем моменте». Она приветствовала идею народной советской власти и осуждала большевистское руководство за то, что оно «резко проявляет полную нетерпимость к другим политическим партийным организациям, реагируя на их деятельность чисто полицейскими приемами, далеко оставляющими за собою приемы самодержавия». Резолюция требовала переизбрания местных Советов и Совета народных комиссаров. 27 мая заседание делегатов 22 эсминцев и 2 канонерских лодок потребовало смещения большевика И. П. Флеровского, назначенного вместо левого эсера Е. С. Блохина главным комиссаром Балтфлота.

Но лозунги матросов Минной дивизии о «морской диктатуре», их призывы о сопротивлении Москве, поддержке бунтующих рабочих и о спасении Щастного не только не нашли поддержки на кораблях и в частях всего остального Балтфлота, но и были всеми решительно осуждены. По существу, вслед за «сдачей» Щастного Балтийский флот откестился и от своих товарищей-миноносников.

Именно поэтому арест А. М. Щастного и последующая нейтрально-соглашательская позиция основной матросской массы явились для Минной дивизии поводом для перехода к самым решительным действиям. 25 мая, в день ареста А. М. Щастного, общее собрание моряков Минной дивизии и рабочих Обуховского завода договорилось о совместном выступлении против властей. Настроены моряки были весьма воинственно. В Минной дивизии преобладало мнение, что «всем, кто придет к нам, мы дадим отпор всеми имеющимися средствами, кончая пушками». На рабочих митингах матросы ожесточенно критиковали политику большевиков в отношении Бреста и Щастного, в связи с перевыборами в местные Советы и в связи с первыми известиями о трагической судьбе Черноморского флота. Вновь зазвучали разговоры о том, что большевики уготовили участь Черноморского флота Балтийскому. Из Минной дивизии с позором изгнали представителей губисполкома, призывавших создавать продотряды. Более того, матросы сформировали несколько вооруженных отрядов для защиты рабочих от красноармейцев. Обстановка скатывалась к вооруженному противостоянию. В июне недовольство рабочих Обуховского завода достигло предела, и они почти не работали. На стенах завода появлялись записки типа: «Предлагаю утопить всех большевиков в Неве».

17 июня на общем собрании рабочих и служащих Обуховского завода были приняты сразу две резолюции. Первая, о политических и экономических мерах борьбы с голодом, гласила: «Мы, рабочие и служащие Обуховского завода, бросив работы за невозможностью

работать за отсутствием физических сил вследствие голода, собравшись на общем собрании в 7-м отделе пушечных мастерских и обсудив свое положение, постановили требовать: а) немедленного прекращения Гражданской войны, б) предоставить свободу закупки продуктов и доставки демократическим организациям и кооперативам, в) сложение полномочий власти народным комиссарам, создания общесоциалистическо-демократической временной власти и созыва Учредительного собрания, которое одно может, вобрав в себя представителей всех слоев населения и всех национальностей Российской Демократической республики, разрешить сложные запутанные вопросы и устранить и Гражданскую войну, и голод, и безработицу. Невыполнение требований наших влечет последствия, за которые ответственность падет на правительство, называющее себя рабоче-крестьянским, издеваясь над рабочими и крестьянами, цenia свое самолюбие, властолюбие больше интересов крестьян и рабочих, и солдат, и матросов».

Вторая резолюция была обращена к матросам Минной дивизии с призывом поддержать их в борьбе против диктатуры большевиков: «Мы, рабочие Обуховского завода, собравшись в рабочее время в 7-м отделе пушечных мастерских на общее собрание, просим товарищей матросов поддержать нас в борьбе с диктатурой кучки людей, властолюбивых, стоящих у власти, и заставить ее изменить политику, отказаться от упрямства, прекратить гражданскую войну, репрессии, созвать Учредительное собрание для организации власти всенародной, всенациональной, до которой должна быть временная социалистическая власть от всех социалистических партий. Доводим до сведения товарищей матросов, что мы, рабочие, уже истощены до крайности и дальше ждать не можем. Товарищи, пусть Собрание уполномоченных фабрик и заводов примет меры воздействия на власть, пусть объявит войну власти, и поддержите их в этой борьбе общими усилиями».

В тот же день на завод прибыли матросы Минной дивизии, и на совместном собрании было решено, что время для решительного выступления настало. Полтора десятка эсминцев отошли от набережной Невы и выстроились в кильватер на фарватере реки, чтобы уже одним своим видом вдохновлять забастовщиков Обуховского и других заводов, а также продемонстрировать свою готовность к бою. После этого делегаты совместного митинга рабочих Обуховского завода и матросов Минной дивизии вручили в Смольном Г. Е. Зиновьеву требование создать до созыва Учредительного собрания временную социалистическую власть с участием всех социалистических партий. Зиновьев ответил, что перевыборы Совета покажут, доверяет ли большевистской власти пролетариат, и обещал выступить 20 июня на общезаводском митинге. С этого момента началась подготовка к мятежу.

Однако на этом самом ответственном этапе в дело неожиданно вмешались эсеры. Желая возглавить антибольшевистское выступление, они провели собственную акцию, которая, как они рассчитывали, подтолкнет Минную дивизию и рабочих Обуховского завода к еще более решительным действиям. По воспоминаниям эсера Г. И. Семенова, эсеровские боевики якобы в то время готовили покушение сразу на двух питерских большевиков – на Г. Е. Зиновьева и на В. Володарского. За последним была установлена слежка. Непосредственным исполнителем теракта был определен рабочий-маляр Сергеев – бывший анархист, переметнувшийся к эсерам. Сам теракт состоялся 20 июня. Из воспоминаний Г. И. Сергеева: «Маленький, невзрачный человек с красивой душой (речь о Сергееве. – *В.Ш.*), из незаметных героев, способных на великие жертвы. В нем все время горело желание сделать что-нибудь большое для революции. Он был глубоко убежден, что большевиками делается губительное для революции дело... В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился невдалеке от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шофер начал что-то поправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали – редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского, бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика погналась за Сергеевым. Он бросил английскую военного образца бомбу (взвесив, что на таком расстоянии он никого не может

убить). От взрыва преследующие растерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок, переехал реку и скрылся. Полдня скрывался на квартире Федорова, два дня в квартире Морачевского. Затем я отправил его в Москву». Заметим, что ЦК партии эсеров впоследствии открестится от убийства В. Володарского, назвав это самодеятельностью питерских эсеров.

В тот день на Обуховском заводе проходил очередной митинг рабочих и матросов с участием Г. Е. Зиновьева и А. В. Луначарского. В ходе митинга представители власти были освистаны и согнаны с трибуны. Более того, матросы решили их не выпускать, а тут же расстрелять. Одновременно на совместном рабоче-матросском митинге должно было пройти и голосование за созыв Учредительного собрания. Что касается расправы над Зиновьевым и Луначарским, то она должна была стать сигналом восстания, так как после этого все пути к отступлению были бы уже отрезаны. Но все сложилось иначе, чем задумывалось. Именно в тот момент, когда матросы уже окружили двух неосмотрительных ораторов, чтобы привести свой приговор в исполнение, прозвучала новость – только что убит ехавший на Обуховский завод В. Володарский. Далее события начали развиваться весьма странно. Узнав об убийстве Володарского, матросы сразу же поутихли и опустили свои винтовки. Снова продолжился митинг. Воспользовавшись этим, Г. Е. Зиновьев с А. В. Луначарским сумели выбраться с завода живыми.

Но почему известие об убийстве Володарского так удручающе подействовало на матросов? Подумаешь, убили одного из большевистских руководителей! Ну и что? Ведь они сами только что собирались убить еще двоих! Может быть, все дело было именно в личности В. Володарского? Кто, собственно, он был такой и почему в тот момент Володарский так спешил на Обуховский завод? Ответа на эти вопросы нет и сегодня.

Впрочем, спустя несколько дней после убийства Володарского Г. Е. Зиновьеву поступила анонимка, в которой сообщалось, что Володарский был убит из-за того, что на митинге около Невских ворот толпа матросов, симпатизировавших Володарскому, не только не позволяла никому ему возражать, но даже пыталась оппонентов Володарского арестовать. Вообще история с убийством Володарского, как и сама его личность, достаточно мутная, но некая связь между этим политическим деятелем и петроградскими матросами несомненно существовала.

Если эсеры действительно рассчитывали, что убийство В. Володарского еще больше революционизирует петроградские массы, то они ошиблись. Возможно, в данном случае политическая интрига была еще тоньше. Какую политическую игру вел Володарский, к чему призывал и чем покори́л толпу матросов, нам неизвестно. Как неизвестно, почему именно его решили уничтожить эсеры в кульминационный момент начала восстания, хотя Володарский в иерархии большевистской власти в Питере не являлся даже второй по значимости после Зиновьева фигурой. Если у В. Володарского действительно имелись некие личные договоренности с матросами, если он вел некую собственную (или санкционированную свыше) политическую игру, то тогда его убийство, наоборот, было на руку властям, так как внесло в ряды мятежников растерянность и сумбур. Впоследствии в 1922 году И. П. Флеровский издал брошюру о Володарском, в которой писал, что того убили из-за его влияния на рабочих, что В. Володарский при этом не занимал никаких крупных постов в Петрограде и выступал, прежде всего, как агитатор. По логике бывшего главного комиссара Балтфлота получалось, что эсеры просто боялись, что Володарский распропагандирует собравшихся бунтовать рабочих и матросов, за что его предусмотрительно и убили. Впрочем, брошюра Флеровского была приурочена к началу большого политического процесса над эсерами и его задачей было не выяснение всех обстоятельств убийства петроградского комиссара, а обличение эсеров, стрелявших в большевика.

Ну, а 20 июня, после того как стало известно об убийстве В. Володарского, рабочие и матросы, вместо того чтобы переходить к решительным действиям и повторить октябрь 1917 года, начали опять бесконечно митинговать на своих заводах и на кораблях. Итак, ими была окончательно потеряна инициатива. А время работало на центральную власть...

* * *

Через день после убийства В. Володарского Совкомбалт вызвал из Кронштадта отряд в пятьсот вооруженных матросов с линейных кораблей. Комиссары объявили линкоровцам, что изменники с эсминцев хотят предать революцию и сбежать к финнам. Вместе с отрядом конных и несколькими сотнями пеших красноармейцев матросы с линкоров оцепили Обуховский район, после чего начали обыски и аресты рабочих. По железной дороге к берегу Невы подошел бронепоезд «Петропавловск» (укомплектованный матросами с одноименного линкора), на обоих берегах установили артиллерийские батареи. В Неву вошли канонерские лодки «Хивинец» и «Грозный».

Что касается команды канонерской лодки «Хивинец», которая должна была выполнять карательные функции, то команда на этой канлодке была весьма отличной от остальных кораблей. Из воспоминаний капитана 1-го ранга Г. К. Графа: «Герои Петрограда были большей частью или «ряженые», или молодые матросы, еще не имевшие никакого представления о флоте. К этой же формации принадлежала и команда «Хивинца», укомплектованная по выбору Смольного. Большевистский переворот и демобилизация застали «Хивинца» в Неве, и матросы с него играли видную роль при первых шагах новой власти. Вот из кого состояли те «матросские» патрули, которые посылались большевиками для производства обысков и арестов, неизменно сопровождавшихся грабежами и насилиями. «Хивинец» был даже непосредственно соединен с Гороховой полевым телефоном, по которому и получал распоряжения. Команда его ни в чем не нуждалась: она получала от Смольного особое денежное довольствие, неограниченный паек и белый хлеб. Но среди них не было ни одного настоящего старого матроса».

Общую координацию действий карательных сил взяла на себя так называемая ревтрояка, возглавляемая новым главным комиссаром Балтфлота И. П. Флеровским. В Минной дивизии матросы готовились к нападению и собирались дать отпор, ложились спать не раздеваясь, заявляли: «Кто придет арестовывать Лисаневича, против того у нас готовы пушки». Но дальше грозных лозунгов дело не пошло. Направляя на усмирение мятежа Минной дивизии именно матросов, ревтрояка учла матросскую психологию. Драться со своими товарищами-кронштадтцами матросы Минной дивизии оказались явно не готовы.

Пока на эсминцах, как всегда, митинговали, кронштадтцы, изолировав от остального Петрограда Обуховский завод, занялись уже самой Минной дивизией.

Как и ожидалось, несмотря на все громкие заявления, большая часть эсминцев осталась нейтральными, то есть фактически сдавшимися без боя. Возможно, что на решение матросов сдать повлиял просчет в осадке эсминцев, оказавшейся больше уровня воды в 15 километрах вверх по Неве от Обуховского завода у Ивановских порогов.

В реальности отпор был готов дать лишь стоявший у стенки Невского завода эсминец «Капитан Изыльметьев» во главе со своим командиром, идейным вдохновителем мятежа Г. Н. Лисаневичем. Когда более двухсот вооруженных кронштадтцев на буксирах «Богатырь» и «Вера» подошли к «Изыльметьеву», Лисаневич дал команду: «Прислуга к орудиям!» Матросы быстро расчехлили орудия и навели их на приближавшиеся буксиры. Одновременно на эсминце развели пары для перехода вверх по Неве.

Но на этом все сопротивление, собственно, и закончилось. Ни стрелять по своим товарищам, ни уходить в сторону Ладоги команда «Изыльметьева» не решилась. Да и Г. Н. Лисаневич не дал команды на открытие огня.

По одной из версий, «Изыльметьев» все же хотел уйти вверх по реке, но случайно зацепился винтом за якорную цепь соседнего эсминца и поломал лопасти. Возможно, это было сделано специально. Когда кронштадтцы высадились на палубу «Изыльметьева», они повели себя весьма корректно, фактически разрешив в тот же вечер переодетому в матросскую форму

Лисаневичу беспрепятственно покинуть корабль. Вместе с Г. Н. Лисаневичем скрылись (а фактически были просто отпущены) и другие активисты мятежа: матросы П. Г. Земский, П. Смирнов и Ф. У. Засимук. После этого на эсминце были арестованы три офицера и пять матросов с условием, что их накажут максимально мягко.

Забегая вперед, отметим, что матросы эсминца «Капитан Изыльметьев» настолько преданно относились к Лисаневичу, что назначенный на его место командиром Ю. Ф. Раль (будущий вице-адмирал ВМФ СССР), вполне сочувственно относившийся и к Лисаневичу, и к самой команде, смог продержаться на «Изыльметьеве» всего неделю. Матросы его просто не восприняли... Любопытно, что в 1922 году бывший флагман антиленинского мятежа эсmineц «Капитан Изыльметьев» был переименован в «Ленин»... Помимо «Изыльметьева», собирались оказать сопротивление кронштадтцам лишь стоявшие около Обуховского завода эсминцы 3-го дивизиона – «Гавриил», «Изяслав» и «Свобода». Корабли отошли от берега, на них также расчехлили орудия, после чего эсминцы поднялись вверх по Неве к селу Рыбацкому, где встали на якорь посередине фарватера. Поначалу готовились к отходу от берега и другие эсминцы, но по разным причинам так и не отошли. Комиссары Совкомбалта предъявили командам эсминцев ультиматум: «Немедленно изъявить покорность советской власти и выдать зачинщиков» либо будет предпринята минная атака. Через несколько минут ультиматум был принят к исполнению. При прибытии на эсминцы кронштадтских матросов команды не оказали им никакого сопротивления.

Команды ушедших вверх по реке «Гавриила», «Изяслава» и «Свободы» в это время были приведены в полную боевую готовность. Но после долгих дискуссий матросы постановили открыть огонь только в том случае, если по ним первыми начнут стрелять с берега. Но с берега по эсминцам не стреляли, зато прислали парламентариев-агитаторов. Когда те прибыли, по установившейся традиции, на эсминцах тут же собрали митинги. Агитаторы обрисовали командам их незавидное положение. Рассказали, что большинство кораблей дивизии уже отказались от участия в мятеже, флагман неповиновения «Изыльметьев» захвачен, а Лисаневич бежал. Кроме этого, агитаторы объявили ошеломленным матросам и о только что состоявшемся расстреле А. М. Щастного. При этом парламентарии обещали в случае прекращения сопротивления полное прощение командам, за исключением нескольких зачинщиков. В ответных речах матросы эсминцев заявили, что «не желают, чтобы их постигла участь «Изыльметьева» и не желают висеть на реях». В это время к эсминцам подошла и канонерская лодка «Хивинец» с комиссарами Совкомбалта и 120 вооруженными кронштадтцами. После этого команды эсминцев приняли резолюцию о том, что они не намерены впредь делать каких-либо выступлений против советской власти, и выдали по одному «матросу-контрреволюционеру».

Писатель В. Б. Шкловский в своей книге воспоминаний «Сентиментальное путешествие» писал: «При разоружении оказалось, что присланная команда не может вынуть затвора из пушек, не умеет: они начали колотить казенную часть орудия кувалдами. Значит, это не были матросы-специалисты; большевики не нашли их достаточно надежными для посылки». Думается, в данном случае В. Б. Шкловский ошибается. Дело было вовсе не в отсутствии среди кронштадтцев корабельных артиллеристов, а в том, что прибывшие с линкоров матросы не знали, как обращаться именно со 102-мм пушками, которых не было на линкорах, где на вооружении состояли более крупнокалиберные 305-, 203- и 120-мм орудия.

* * *

Одновременно с наведением порядка в Минной дивизии происходило и усмирение рабочих Обуховского завода. Из машинописной рукописи ЦГА: «В Смольном комиссар завода Иванов (И. П. Иванов – большевик, в 1918 году комиссар Обуховского завода. – В.Ш.) и председатель заводоуправления заявили, что ход событий вынуждает закрыть завод и объявить район на

военном положении. Зиновьев на это не решался. Договорились на том, что Иванов поедет на Путиловский завод и выяснит настроение рабочих, поскольку возможна забастовка путиловцев в случае закрытия Обуховского завода. Секретарь завкома Путиловского завода Огородников сообщил Иванову, что у них на электростанции выступали обуховцы с призывом присоединиться, если Обуховский завод решится на выступление. В электростанции, как передавал Огородников, часть высказалась за выступление, но, в общем, завод на стороне советской власти.

– Значит, если мы закроем завод, вы рабочих от выступления удержите? – спросил Иванов.

– Да, удержим, на это можете рассчитывать, – ответил Огородников.

После того как вернувшись в свой район, Иванов среди большевиков, занимавших руководящие посты, рассказал о переговорах на Путиловском заводе, решили закрыть завод, не согласуя со Смольным, если в течение суток положение на заводе не изменится к лучшему.

К лучшему положение не изменилось. Утром 22 июня завод снова собрался на митинг, куда по телефону вызвали Иванова для объяснения. Все выступление Иванова свелось к заявлению – или приступайте немедленно к работе, или завод будет закрыт. После того, как комиссар сошел с трибуны, выступил матрос и кричал – вот каким языком разговаривают с нами комиссары...

В этот же день большевики решили начистоту поговорить с Минной дивизией. Антонов (А. А. Антонов – рабочий-электромонтер Обуховского завода, большевик, председатель Обуховского комитета РКП(б). – *В.Ш.*) и Иванов для переговоров пригласили представителей от судовых комитетов. На приглашение явилось шесть человек. Разговор продолжался недолго. Изложив всю серьезность положения, морякам заявили так:

– Обсудите, обдумайте положение как следует. Если решитесь на восстание, будем поступать, как поступают с мятежниками, будем воевать...

Моряки сидели и слушали молча. Так же молча они поднялись и ушли, когда им заявили, что разговор окончен. Вскоре после ухода матросов стало известно, что дивизия разводит пары. Что это означало – знали только на судах. В это же время к Антонову явился матрос с крейсера (так в тексте. – *В.Ш.*) «Изяслав» и заявил от лица матросов о верности советской власти. Матрос заявил, что их судно никаких враждебных действий проявлять не станет.

На заводском митинге между тем в тот день раздавались смелые голоса о восстании. Иванову передали, что решено по заводскому гудку созвать общерайонный митинг, где уже собирались раздавать оружие.

– Гудка быть не должно – погасите котлы, – распорядился комиссар завода.

Скоро готово было и объявление: «22 июня 1918 года. Товарищи рабочие! Мы неоднократно указывали вам на недопустимость митингов в рабочее время и на халатное отношение к работе, что безусловно губительно отражается на нашем с трудом налаженном производстве. В настоящее время мы принуждены заявить вам самым решительным образом, что дальше такое отношение к работе не будет допущено, а за простой 21 июня, а также за следующие простоящие дни уплачено не будет. Если сегодня 22 июня не будет приступлено к работам, с 25 июня завод будет закрыт. Председатель Заводоуправления Антонов. Комиссар завода Иванов».

К работе не приступили ни 22-го, ни на следующий день. Антонов с Ивановым поехали в Смольный с докладом о случившемся. Там они нашли Лашевича (М. М. Лашевич – старый большевик, в 1918 году член Петроградского бюро ЦК РКП(б). – *В.Ш.*).

– Как дела? – спросил тот.

– Дела такие, – ответили обуховцы, что в районе готовится восстание и Минная дивизия собирается стрелять по заводу, а может, и по Смольному.

– Что нужно сделать? – спросил Лашевич.

– Необходима помощь, тов. Лашевич.

В ту же минуту Лашевич взялся за телефон и потребовал немедленно выслать из Кронштадта отряд в 300 надежных матросов. Едва Лашевич отдал Кронштадту приказ, вошел Залуцкий (П. А. Залуцкий – большевик, депутат Петроградского Совета, член Петроградского ВРК).

– Ну, Залуцкий, – обратился к нему Лашевич, – пиши декрет, Обуховский завод закрыли. Тут же подошел и Зиновьев.

– Как дела? – спросил он, увидя делегатов с беспокойного завода.

– Завод закрыт, требуем вашей санкции, иного выхода нет...

– Ну и ладно, – махнул Зиновьев рукой и, похлопав себя по шее ладонью, добавил:

– Вот где сидит у меня ваш завод...

Через три часа отряд кронштадтских моряков уже высаживался из баржи на берег Невы около Фарфоровского завода.

Согласившись вместе с Зиновьевым на закрытие Обуховского завода, Залуцкий, тогдашний комиссар труда Северной области, писал в «Правде»: «...Начиная с Пасхи 2–3, а то и 4 дня в неделю устраивались митинги и собрания в рабочее время, начиная с утра и до часа окончания работ. Казалось бы, за это время можно успеть выяснить все стороны волнующие вопросы, мало этого, с 16-го по 22-ое вся неделя была посвящена собраниям в рабочее время. Пора и честь знать... Я подтверждаю решение части правления о приостановке работ на заводе. С 25 июня завод должен быть закрыт. П. Залуцкий».

Скоро был готов и приказ: «Ввиду резкого падения за последнее время производительности Обуховского завода, вызванного явным, неуклонным нарушением работающими необходимой трудовой дисциплины, устройства в рабочее время собраний и непроизводительно расходованных ассигнованных заводу народных денег и топлива, Обуховский завод от 25 июня сего года закрывается.

1. Все рабочие и служащие, и технический персонал увольняются.

2. Заводский и Цеховые комитеты совместно с закрытием завода ликвидируются. Члены комитета увольняются на общем основании с остальными рабочими.

3. Расчет производится по день приостановки работ...» Начались переговоры с мятежными судами. К тому времени, как завод закрыли и район объявили на военном положении, дело сложилось так, что 5 судов, готовых на решительные действия против советской власти, отошли на средину Невы, а остальные 5, заявившие нейтралитет, остались у стенки набережной.

Суда, стоящие на средине Невы, долго не решались допустить делегацию завода, но потом согласились с условием, чтобы делегаты явились без оружия. Переговоры эти не привели ни к чему. Вскоре на всех судах замахали флажками. Береговые матросы перевели всем непонимающим морскую сигнализацию, что командующий флотилией приказывает всем судам идти вверх по Неве. Когда суда, исполняя приказ, двинулись в указанном направлении один за другим, три крейсера из 5 державших нейтралитет нарушили этот нейтралитет и также отошли от берега. Что предполагало делать командование, отдав такой приказ, с какой именно целью дивизия тронулась против течения Невы – никто на берегу не знал. Предположения же сводились к следующему: допускалось, во-первых, что команда посадит суда на мель и сама попытается ночью уйти в Финляндию, ждали затем и того, что дивизия откроет огонь.

Меры, какие были приняты для разоружения дивизии, сводились к следующему. На северную дорогу послали крупный бронепоезд «Петропавловск», на обоих берегах реки поставили батарею и по обоим же берегам послали пешие и кавалерийские отряды. Все, что делалось на правом берегу, от дивизии скрывалось, батарею замаскировали, и кавалерийский отряд, выслеживая суда, двигался лесом. Задача отряда состояла в том, чтобы обезоружить и арестовать матросов на случай их побега в Финляндию.

Для решительных мер по разоружению дивизии нужно было иметь два-три судна. С этой целью ревтройка отправила делегатов на «Хивинец», стоящий около бывшего Семянниковского завода.

Команда «Хивинца» была настроена советски, и никто не возражал против разоружения враждебной Советам дивизии. Кроме «Хивинца» в распоряжение Ревтройки поступили суда «Зоркий» и «Грозный»...

Все три судна подошли на близкое расстояние к мятежной дивизии, и начались переговоры. После того, как вызванный с берега на палубу «Хивинца» оркестр сыграл Интернационал – всей дивизии по морской сигнализации передали ультиматум:

– Немедленно изъявить покорность советской власти и выдать зачинщиков.

Дивизия потребовала время для обсуждения такого предложения. «Хивинец» повторил ультиматум и пригрозил минной атакой. Через несколько минут дивизия запросила принять шлюпку. Когда «Хивинец» спросил – с какой целью – оттуда ответили, что в шлюпке находятся арестованные зачинщики.

Арестованных оказалось 35 человек. Суда развернулись и стали у стенки. Матросов заперли до суда в трюм, а руководителей мятежа немедленно передали в ЧК. Так закончилась попытка поднять восстание против советской власти. Вместе с закрытием завода прекратил свое существование и «Совет 12 апостолов» (так рабочие Обуховского завода именовали избранное ими руководство мятежа. – *В.Ш.*) – он был распущен так же, как завком и цеховой комитет. На основании резолюции Троцкого новое заводоуправление было составлено из 4 человек. В число их вошли Антонов, Кустов, Трахтенберг и Рыбарь».

Однако после подавления мятежа в Минной дивизии и на Обуховском заводе политическая ситуация в Петрограде стабилизировалась далеко не сразу. Так, 24 июня из-за угрозы забастовки было объявлено чрезвычайное положение на Николаевской железной дороге. Меншевик П. А. Гарей вспоминал, что забастовка была сорвана «массовыми арестами руководителей в Москве и Петрограде». В Петрограде уличные митинги и сборища разгонялись гвардейцами охраны местных комиссариатов. В воротах Дома предварительного заключения вывесили огромный плакат: «Мы, рабочие и служащие, работаем. Вы, белогвардейцы, бастуете. Здесь для белогвардейцев места есть». Сходные надписи были на трамваях. Рабочих Путиловского завода удержала от участия в стачке позиция руководителей, которые считали ее несвоевременной. В Невском районе бастовали рабочие на бумагопрядильных фабриках Александровской мануфактуры «К. Я. Паля» и Спасской мануфактуры. На Спасской мануфактуре для того, чтобы нельзя было включить станки, рабочие насыпали на передаточный вал наждак. В Петроградском районе бастовала фабрика конторских книг (бывшая «Фридрих Кан»). Рабочие табачных фабрик Шапошникова, «Шапшал», Колобова и Боброва также бастовали. Забастовку поддержали рабочие некоторых предприятий Москвы и станций Московско-Курской железной дороги.

А 25 июня пролетариат Петрограда снова едва не вышел на улицы. В тот день был убит один из самых известных и популярных деятелей петроградского рабочего движения – рабочий-лекальщик завода «Айваз» меньшевик В. В. Васильев, участвовавший в революционном движении с 1899 года, являвшийся членом Учредительного собрания. В ночь с 21 на 22 июня В. В. Васильев был арестован после общего собрания Удельненского кооператива. Под предлогом необходимости допросить его в Невском районе по делу Володарского Васильев был увезен из штаба Красной армии и по дороге расстрелян якобы за попытку бежать. Ценой огромных усилий руководству Петрокоммуны удалось не допустить перерастания массовых похорон рабочего-активиста в новые демонстрации протеста. Матросы Минной дивизии в этих акциях уже не участвовали, так как были к этому времени полностью деморализованы.

* * *

Основной причиной мирного исхода мятежа Минной дивизии следует считать то, что обе стороны главной своей задачей считали не допустить братоубийственного столкновения. Матросы из Минной дивизии никак не ожидали решительности со стороны властей и оказались не готовы к организованному сопротивлению. Безусловно, сказалось и отсутствие единого руководства мятежом, и разобщенность разбросанных по Неве кораблей, а кроме этого, и психологическая неготовность мятежных матросов идти до конца в отстаивании своих убеждений. Все происходило в лучших традициях матросской вольницы – сумбурно, крикливо и митингово. Матросская демагогия и стихийность в данном случае взяли верх над революционной нетерпимостью и левым радикализмом. В подавлении мятежа Минной дивизии сыграл и такой немаловажный факт – за кронштадтцами пошли в своем большинстве матросы, только что принятые на службу на флот по вольному найму. При этом историки сегодня вполне справедливо полагают, что, если бы перевес сил определился за Минной дивизией, нанятые матросы наверняка приняли бы самое активное участие уже на стороне последней.

Что касается Г. Н. Лисаневича, то он был заочно исключен из числа моряков как «занимающийся вредной для родины и революции агитацией». Затем последовал приказ Реввоентрибунала при ВЦИКе об его аресте «за контрреволюционную деятельность», а в сентябре 1918 года Кронштадтский ревтрибунал объявил его «вне закона». Дальнейшая судьба Г. Н. Лисаневича была бурной. Он служил в белой армии на Севере. После ее разгрома остался в Архангельске, где командовал красными морскими силами Белого моря. Впоследствии был дважды репрессирован, трудился инженером-электриком, стал ведущим специалистом в области гидроакустики, занимался рыбным хозяйством. В 1937 году был арестован в третий раз и расстрелян.

Отметим, что для подавления мятежа Минной дивизии были использованы именно матросы с линейных кораблей, отличавшихся наибольшей революционностью еще со времени Февральской революции. Кроме этого, отправляя линкоровцев, был грамотно использован и извечный антагонизм, который всегда существовал и существует между командами больших и малых кораблей.

На успех быстрого и бескровного разоружения матросов Минной дивизии подействовало и ошеломляющее известие о расстреле А. М. Щастного. Казнь наиболее авторитетного офицерско-матросского лидера явилась недвусмысленным ответом власти на начинавшийся мятеж и на убийство В. Володарского. Такой жесткой решимости от властей матросы Минной дивизии тоже не ожидали. Поэтому известие о расстреле Щастного произвело на матросов, и особенно на командный состав, «удручающее впечатление». Сторонники «морской диктатуры» лишились своего наиболее авторитетного лидера, после чего у них просто опустились руки.

Что касается настроения в Кронштадте, то И. П. Флеровский в те дни докладывал Л. Д. Троцкому: «Расстрел Щастного на командный состав произвел удручающее впечатление, но на деле оно еще не вылилось в определенные формы. В командах спокойно, просят лишь разъяснения».

После подавления мятежа Минной дивизии были арестованы 15 человек: 5 офицеров и 10 матросов. Так как Балтийский флот решил сам «разобраться» с Минной дивизией, Петроградским Советом было решено «арестованных контрреволюционеров оставить в распоряжении следственной комиссии, организованной самими матросами. На суде Кронштадтского ревтрибунала, под председательством Л. А. Бергмана, обвинитель – главный комиссар Балтфлота И. П. Флеровский потребовал приговорить всех пятнадцать арестованных к смерти. Но его инициатива не нашла поддержки. Вчерашнему сельскому учителю тут же доходчиво объяснили, что матросы матросов просто так не убивают. 4 сентября 1918 года 12 моряков дивизи-

зии приговорили к принудительным общественным работам сроком от 3 до 15 лет с лишением гражданских и всех политических прав. Одного матроса приговорили к полугоду тюрьмы с «исключением навсегда из флота», еще одного оправдали. Четверых же скрывшихся моряков, объявили вне закона. Но уже через два месяца «суд общественной совести Кронштадта» на основании амнистии, объявленной 7 ноября 1918 года, в честь первой годовщины Октябрьского восстания, изменил сроки наказания (снизив их всем до 2 лет), а двое моряков были вообще освобождены. Спустя еще несколько месяцев были освобождены и остальные, осужденные по делу мятежа Минной дивизии. Такую снисходительность к мятежным балтийцам на фоне разгоравшейся в стране Гражданской войны, а также красного террора следует отнести за счет того, что большевики все еще нуждались в революционных матросах и путем уступок старались удерживать их на своей стороне. Прощение мятежников Минной дивизии и было как раз одной из таких незначительных уступок с их стороны, которая, однако, была весьма положительно оценена балтийцами.

О значении и последствиях мятежа Минной дивизии в мае – июне 1918 года военно-морской историк М. А. Елизаров пишет так: «...Мятеж Минной дивизии закончился сравнительно мирно и, казалось бы, был быстро забыт. Однако последствия его были значительны и для флота, и для страны. Матросы убеждались, что более левый, «революционный» путь относительно курса большевиков ведет к смыканию с правыми, к отказу от Октября, что продолжение дела Октября, творцами которого матросы себя считали, лежит не в направлении политической обособленности флота, а в поддержке существующей государственной власти, как рожденной Октябрем. Поэтому именно время после данных событий отмечено переломом в сторону создания самочинных краснофлотских большевистских коллективов. Впрочем, подобная тенденция уроков более левой линии, чем большевистская, начала набирать силу и во всем Петрограде, а затем, особенно после мятежа левых эсеров 6 июля, и во всей стране. Однако рождение подобной тенденции в условиях совокупности причин, вызвавших его, привело к убийству Володарского и Щастного, приводило к ожесточению «классового подхода». «Классово чуждые» лица становились в целях компромисса матросов и вообще народных низов с большевистской властью некими «козлами отпущения», на которых перекладывалась вся вина за тяжелую обстановку в стране. В результате убийства Володарского и Щастного, которые явились следствием всей совокупности причин, вызвавших мятеж Минной дивизии, это, как уже доказано, имело огромные последствия – ожесточилась классовая непримиримость в стране. Теракт против Володарского, от которого откrestился эсеровский ЦК, резко качнул общественное мнение в пользу большевиков и подтолкнул их решимость к использованию красного террора. 26 июня Ленин выразил Зиновьеву протест за то, что «питерские цекисты и пекисты» удержали рабочих ответить на убийство Володарского массовым террором. Большевистское руководство, одобряя первый смертный приговор Щастному, видимо, рассчитывало, что в Петрограде последуют их примеру. Но, похоже, приговор настолько ошарашил «питерских товарищей», что они, наоборот, посчитали цену за убийство Володарского заплаченной и временно притормозили наступление красного террора. Однако в целом первый смертный приговор советской власти был и первым несправедливым левозэкстремистским актом этой государственной политики, открывшим дорогу государственной политике красного террора, дорогу другим подобным актам. Приговор вызвал волну протестов по всей стране, особенно в военной среде. Последовала массовая добровольная демобилизация военспецов. Приговор провёл водораздел, казалось бы, между близким единомышленниками. Так, Бонч-Бруевич заявил сотруднику газеты «Наше слово», что арест Щастного был полной неожиданностью для Высшего военного совета (возглавлявшегося Троцким). Дыбенко в газете опубликовал коллективный протест, вставив туда самовольно фамилию Коллонтай. Но это вызвало ее бурный протест по поводу такого бесцеремонного обращения с ее громким именем и очередной временный, но особенно глубокий разрыв с Дыбенко. По сути, приговор Щастному ребром поставил вопрос:

«с нами или против нас?» – и тем самым подтолкнул страну к гражданской войне. В ходе нее заключенные ВЧК уже мечтали о показательном процессе, подобном над адмиралом Щастным, и горячо желали успехов его главному обвинителю Н. Крыленко в борьбе с Держинским против бессудных расстрелов».

Глава вторая

Матросы против Ленина. Июль 1918 года

В те дни, когда погибал Черноморский флот, а на Каспии диктатура Центрокаспия свергала большевистских комиссаров, на Балтике шла ожесточенная борьба за влияние на матросов, В июне 1918 года комиссары Балтийского флота с ужасом обнаружили, что не имеют никаких рычагов влияния на команды кораблей. Те по-прежнему подчинялись исключительно своим собственным судовым комитетам. Что касается комитетов, то они, помимо повседневного руководства, по революционной традиции 1917 года, самолично комплектовали свои корабли. Поэтому судкомовцы брали к себе только тех молодых матросов, которые разделяли их политические позиции. Ну, а политические взгляды подавляющего большинства матросов к лету 1918 года варьировались от анархистских до левоэсеровских. А потому, несмотря на то что самые активные матросы постоянно уходили с кораблей на фронты разгоравшейся Гражданской войны, их место тут же заполняли молодые анархисты и левые эсеры.

Кроме этого, начавшаяся массовая демобилизация с флота и почти сразу же последовавший за ней обратный призыв на флот только что уволенных матросов, помимо неразберихи, привели к острому недовольству матросской массы непродуманными действиями большевиков.

Из воспоминаний кронштадтского матроса В. С. Бусыгина: «В июле месяце 1918 года стали мудрить над матросами. Было опять чье-то распоряжение команды кораблей распустить, оставить только тех, кто подпишет договор «по вольному найму». Следовало подписать соответствующий договор – или подписывай, или убирайся с корабля! По вольному найму я не служил ни одного дня. Я считал, что военная служба с вольным наймом не вяжется, и потому был с флота отчислен. Исключен из списков в июне 1918 года. Поехал домой, на Урал. Дома пробыл всего несколько недель. В конце августа Уржумский военный комиссариат объявил сбор всех бывших матросов, проживавших в уезде. Набралось тут человек семнадцать, все больше мои одногодки. Пароходом нас отправили до Котельнича, а дальше поездом в Петроград. Старшим отряда был назначен моряк Иван Михайлович Попов. Так я опять направился в Кронштадт. Для того чтобы перевести в звание «Красная армия», не было необходимости разгонять тысячи матросов и солдат по домам, а потом снова их же мобилизовывать! В Кронштадте месяц или больше скапливали возвращавшихся матросов, главным образом жителей деревень. Набралось много сотен человек. Формировались отряды для отправки на фронт, на Волгу, в район Казани. Колчак был около Казани в северо-восточных губерниях – Вятской, Казанской, в Чувашии... Но тут же вышло новое распоряжение – радиотелеграфистов использовать только по специальности. Тогда я решил идти на линкор «Севастополь», но там – полное запустение, народу в нашем кубрике – только электрик Смородин. Из радиотелеграфистов уже никого не было. Что делать? Решил пойти опять на «Огонь» (портовый ледакол. – *В.Ш.*), но и там оказался ненужным, команда распадалась, не было ни капитана, ни его помощника, ни того радиотелеграфиста-немца, а людей готовили к отправке на фронт. Переночевал, а утром опять возвратился в казарму учебного минного отряда. В Кронштадте встретил своего товарища, сослуживца Алексея Петровича Антонова, Леньку. Он завел в какой-то буфет, угостил бутылкой «лимонаду» и рекомендовал идти в службу связи. Он, оказывается, уже состоял в береговой команде службы связи в Кронштадте. У них не хватало одного радиотелеграфиста...»

В таких условиях главному комиссару Балтийского флота И. П. Флеровскому оставалось лишь жаловаться в Москву, что с комплектацией кораблей и воинских частей на флоте происходит полная вакханалия, что набор на корабли производился судовыми комитетами исключительно самочинно, и он, главный комиссар флота, бессилён что-либо изменить. Разумеется, что многие «революционные» функции судкомов давно вышли за рамки их компетенции и

сложившаяся ситуация не соответствовала принципам строительства регулярных вооруженных сил. Но что можно было поделать с матросами, которые делали только то, что они желали!

Что касается Красной армии, то там солдатские комитеты в войсках были распущены еще весной 1918 года, но на Балтике речи о роспуске судовых комитетов и быть не могло. В лучшем случае власть могла только несколько ограничить их права. Поэтому Л. Д. Троцкий делает ход конем – на 5-м съезде моряков Балтийского флота в июле 1918 года проталкивает специальное постановление о председателях судовых комитетов. Отныне каждый из них для утверждения Советом комиссаров флота должен был иметь положительный отзыв от коллектива большевиков или от комиссара бригады. Кстати, 5-й съезд моряков Балтийского флота стал вообще последним матросским съездом. Больше подобных мероприятий большевики уже не допускали, ведь кто знает, как сложится ситуация на очередном таком съезде и какие резолюции могут принять неуправляемые и непредсказуемые матросы?

К лету 1918 года на Балтийском флоте значительно сократилось и количество матросов-большевиков. Часть старых кадров перебралась вслед за правительством в Москву, подалась в ВЧК, отправилась на фронты, а новых большевиков на флоте так и не прибавилось. На многих кораблях и в береговых частях к июню 1918 года вообще отсутствовали большевистские ячейки. Поэтому немногим матросам-большевикам приходилось становиться на учет в территориальные организации, что еще больше увеличивало их отрыв от матросской массы и снижало авторитет самой партии. Такое положение грозило большими неприятностями в самом близком будущем. Надо было что-то срочно предпринимать. Именно поэтому обеспокоенный председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны Г. Е. Зиновьев в обращении к матросам-большевикам Петрограда призвал их организовать большевистские ячейки на всех кораблях, а также улучшить работу по созданию боеспособного регулярного флота, то есть ускорить работу по свертыванию «матросской демократии».

В июле по инициативе Г. Е. Зиновьева прошло совещание моряков-коммунистов Балтийского флота, на котором была высказана большая обеспокоенность падением авторитета большевиков среди матросов и обсужден вопрос об организации партийных групп и ячеек на кораблях и в частях. «Совещание находит обязательным и необходимым, – говорилось в итоговом решении совещания, – раскинуть по всему Балтийскому флоту и принадлежащим к нему береговым частям коллективы коммунистов, спаянные партийной дисциплиной со всеми местными и областными органами».

В результате определенной организаторской работы большевиков на Балтийском флоте к концу лета 1918 года численность большевистских организаций стала постепенно увеличиваться. Однако при подготовке кораблей к наиболее ответственным и сложным операциям комиссарам всякий раз приходилось «перетряхивать» команды, стараясь укреплять их «безусловными коммунистами или же определенно сочувствующими». На многих кораблях впервые были созданы и довольно массовые большевистские ячейки. Например, на линкоре «Гангут» большевиков и сочувствующих им значилось до 20 % команды, на линкоре «Полтава» – свыше 30 %, а на подводных лодках «Минога» и «Макрель» – более 90 %.

Однако в данном случае с процентами следует быть осторожными, так как матросы по-прежнему легко записывались именно в ту партию, которую им предлагал очередной агитатор. При этом никаких моральных обязательств перед этой партией они на себя, как правило, не брали. Надоест партия и партийцы – просто выбросят партбилет. Другое дело, что с некоторых пор состоять в большевиках стало выгодным, прежде всего, в плане карьеры. Если левых эсеров и особенно анархистов к лету 1918 года стали откровенно оттирать от власти, то их коллег-большевиков, наоборот, массово выдвигали на руководящие должности.

Еще сложнее историкам определить такую расплывчатую категорию, как «сочувствующие». Сочувствие, как известно, дело переменчивое. Сегодня я сочувствую большевикам, а

завтра – анархистам. Поэтому зачастую ситуация с реальным раскладом политических сил на том или ином корабле не имела ничего общего с формально подсчитанными процентами.

И все же будем объективны, большевики, стремясь всеми силами усилить свое влияние, действовали весьма грамотно. К этому их толкала непростая политическая ситуация в стране и в особенности непопулярные шаги в большой политике, которые никак не могли понравиться матросам. И форсированная вербовка в ряды большевистской партии, и оттирание от руководящих должностей матросов-эсеров и анархистов, и умаление роли судкомов, которые почитались матросами основой их внутренней демократии, и навязывание комиссаров-большевиков все это вызывало неприятие и возмущение большинства братвы.

Матросы в своем большинстве все еще были готовы к сопротивлению любой власти, которая бы покусилась на их завоевания и права. Но кураж 1917 года уже прошел, и матросы теперь больше защищались, чем нападали сами.

Кроме этого, огромный запас доверия к власти Советов, известная разобщенность, отсутствие собственного руководящего органа, каким являлся раньше разогнанный Центробалт, дефицит авторитетных и грамотных лидеров свели все сопротивление братвы лишь к стихийным митингам в кубриках и курилках. Кроме этого, открыто выступить против большевиков в столь не простое для советской власти время значило для матросов предать саму идею революции, а на это они пойти никак не могли. Однако политическая ситуация сложилась таким образом, что часть из них все же выступила против большевиков с оружием в руках.

* * *

Если в 1917 году все главные события в России происходили исключительно в Петрограде, то с переносом столицы в Москву все самое главное стало происходить уже там. Главной внутривластной интригой новой власти к лету 1918 года стало все возрастающее противостояние между союзниками по правительственной коалиции – большевиками и левыми эсерами. Противоречий по всем направлениям, от вопросов внешней политики до внутренней, накопилось так много, что ни о каком согласии союзников уже не могло быть и речи.

Американский историк Р. Пайпс пишет: «...левые эсеры вдруг обнаружили, что сотрудничают с режимом расчетливых политиков, которые заключают сделки с Германией и со странами Четверного согласия и вновь призывают «буржуазию» управлять заводами и фабриками, командовать армией. Что стало с революцией? Все, что большевики делали после февраля 1918 года, не устраивало левых эсеров... Весной 1918 года левые эсеры стали относиться к большевикам так же, как сами большевики относились в 1917-м к Временному правительству и к демократическим социалистам. Они объявили себя совестью революции, неподкупной альтернативой режиму оппортунистов и сторонников компромисса. По мере уменьшения влияния большевиков в среде промышленных рабочих левые эсеры становились для них всё более опасными соперниками, ибо взывали к тем самым анархическим и разрушительным инстинктам российских масс, на которые большевики опирались, пока шли к власти, но, получив власть, стремились всячески подавить... По сути, левые эсеры апеллировали к тем группам, которые помогли большевикам захватить власть в октябре и теперь почувствовали, что их предали».

Результатом этого противостояния и стал широко известный мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 года. При этом к левым эсерам примкнули все недовольные большевистской политикой, прежде всего анархисты.

Открытое столкновение двух главных конкурирующих партий началось уже на открывавшемся 4 июля V съезде Советов.

Причинами обострения отношений вчерашних союзников по правительственной коалиции был, прежде всего, Брестский мир, а также, помимо многих других вопросов, трагическая судьба Черноморского флота и расстрел А. М. Щастного. Дело в том, что сразу же после огла-

шения смертного приговора Щастному по требованию левых эсеров было созвано экстренное собрание президиума ВЦИК для его пересмотра, а когда пересмотр не состоялся, левые эсеры демонстративно вышли из состава Верховного ревтрибунала. Это был уже открытый вызов! Надо понимать, что для левых эсеров дело в данном случае было не в личности самого А. М. Щастного. Мало ли офицеров расстреляли к этому времени! Эсеров возмутило то, с какой беспринципностью большевики подгоняют законы под конкретную, выгодную им ситуацию, как цинично игнорируют свои же декларируемые принципы, а кроме этого, наплеваательно относятся к мнению своих союзников по правительственной коалиции. Помимо всего этого, немаловажным был для левых эсеров и фактор завоевания популярности у матросов. Большевики допускали один прокол за другим: слишком рьяно взяли курс на удушение матросской демократии, хотели взорвать Балтийский флот, а когда это не получилось, то утопили флот Черноморский, а затем вероломно и бездоказательно казнили уважаемого матросами руководителя. Поэтому было вполне логичным ошибкой своих конкурентов обратить в свою пользу.

Вообще левоэсеровскому мятежу предшествовало резкое обострение отношений между союзниками и острая политическая борьба. Так, 4 июля в докладе на V Всероссийском съезде Я. М. Свердлов обратил внимание на нелогичность желаний эсеров, стремящихся продвинуть своих людей в ВЧК, где смертная казнь без суда допускается. В ответ в своем содокладе лидер левых эсеров М. А. Спиридонова гневно выступила против применения смертной казни, причем не только в ВЧК, но даже по решению суда.

Ораторы от левых эсеров обвиняли большевиков в измене делу революции и в разжигании войны между городом и деревней, большевики же, в свою очередь, упрекали их в попытках спровоцировать войну России с Германией. Левые эсеры внесли предложение выразить недоверие большевистскому правительству, денонсировать Брестский договор и объявить войну Германии. Когда это предложение было отклонено большевистским большинством, левые эсеры покинули съезд...

Разрыв союзников произошел, прежде всего, из-за проблемы Бреста. Однако при этом наличествовали еще две весьма болезненные проблемы – балтийская и черноморская. Именно они волновали практически всех матросов, которые, не находя ответа у большевиков, шли к их конкурентам.

* * *

К июлю 1918 года и большевики, и левые эсеры успели обзавестись в Москве собственной вооруженной гвардией, на которую рассчитывали в случае вооруженного противостояния с конкурентами. У большевиков роль такой гвардии выполняли латышские стрелки, которых большевики привлекли вместо ненадежных и капризных матросов еще в Петрограде. С латышами у большевиков было все просто – латышам платили, и они честно отработывали свои деньги. Несмотря на все рассуждения о революционной идейности, в части своей безопасности большевики поставили на откровенных наемников и в итоге оказались правы.

Что касается левых эсеров, то они остались верны своим идейным принципам и поставили на революционных матросов. Основу левоэсеровской гвардии составил матросский отряд анархиста Д. И. Попова. Этот отряд появился в Москве почти сразу после переезда туда Совнаркома. Поповцы являлись убежденными приверженцами левых эсеров. Вначале отряд матросов подчинялся Моссовету, а в начале апреля был передан в ведение ВЧК. Чтобы придать вес должности Д. И. Попова, он был избран членом Коллегии ВЧК.

Надо ли говорить, почему ЦК левых эсеров в феврале 1918 года совсем не случайно предложил поповцев ВЧК в качестве «особого отряда». Другое дело, почему Ф. Э. Дзержинский взял к себе в чекисты неуправляемых матросов, к тому же еще откровенно леворади-

кального толка. Ответ здесь может быть только один – принятие отряда Попова в структуру ВЧК являлось определенным компромиссом между большевиками и левыми эсерами. Отряд стал своеобразной квотой союзникам. Кроме отряда Попова, по соглашению между большевиками и левыми эсерами, заместителем Ф. Э. Держинского был также назначен левый эсер В. А. Александрович, который, кстати, и курировал отряд матросов.

Что касается самого Д. И. Попов, то он с 1914 года служил на Балтийском флоте, являлся участником Октябрьского восстания в Петрограде, членом ВЦИК. По свидетельству члена ЦК левых эсеров М. Д. Мстиславского, матрос-анархист Д. И. Попов примкнул к левым эсерам осенью 1917 года. Вместе с левыми эсерами А. М. Устиновым и П. П. Прошьяном он наwerbовал несколько сотен матросов и финнов, с которыми успешно «партизанил», а на самом деле больше грабил население на Карельском перешейке. В начале 1918 года «соскучившийся в лесах» Попов со своими подельниками двинул в Петроград. Там он вскоре громко отметился. В один из дней, в сопровождении нескольких вооруженных полупьяных матросов, Попов ворвался на заседание только что образованного Высшего военного совета, где «салютовал» маузером перепуганным генералам. Скорее всего, поповцы просто покуражились, припугнув генералов, чтобы те лучше воевали за дело революции.

Разумеется, что, войдя в подчинение ВЧК, матросы Попова продолжали вести себя в лучших традициях анархизма. Служебными обязанностями себя они особо не утруждали. Поповцы, в принципе, выполняли рутинную комендантскую работу: производили аресты, конвоировали арестованных, что-то и кого-то охраняли. Однако делали это матросы только тогда, когда им этого хотелось самим. Если же им что-то приказывали, а желания исполнять приказ не было, то поповцы могли легко куда подальше послать даже самое высокое начальство. По этой причине руководство ВЧК старалось Попова и его буйную вольницу лишней раз нигде не задействовать. Более того, с поповцами всячески заигрывали. Так, Л. Д. Троцкий, по своей личной инициативе, торжественно вручил Д. И. Попову и его матросам Красное отрядное знамя на Красной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.